

ГОГОНЕКЪ

Иллюстрированное Обзоріе
общественной и политической жизни, наукъ и изящныхъ искусствъ
ПРИЛОЖЕНІЕ
къ „БИРЖЕВЫМЪ ВѢДОМОСТЯМЪ“.

№ 3

Понедѣльникъ, 28 января (10 февраля) 1907 г.

№ 3

Трафиня Люба.

(Эпизодъ изъ жизни С. Я. Надсона).

И былъ тотъ голосъ съ нервной
дрождью,
Какъ голосъ брата въ часъ глухой,
Подслушанъ пылкой молодежью
И чуткой женскою душой.

Я. Полонскій.

(„Па смерть Надсона“).

„Вы сердцемъ пишете ваши стихи. Я сердцемъ ихъ прочитала и благодарю васъ, душевно благодарю за отрадныя минуты, проведенныя за вашей книгой“...

Такъ писала таинственная незнакомка, скрывшаяся подъ буквою Л.**, поэту С. Я. Надсону въ письмѣ отъ 22-го мая 1886 г., открывшемъ собою чрезвычайно любопыт-

ную переписку между ними, продолжавшуюся вплоть до кончины поэта—ровно 20 лѣтъ тому назадъ.

Пѣвецъ стремленій юности къ правдѣ, добру, свободѣ и подвигамъ, во имя любви къ людямъ, былъ кумиромъ молодежи,—и не одной молодежи. Его изящные, образные стихи, облеченные всегда въ удивительно музыкальную форму, заучивались наизусть. Собранія стихотвореній Надсона расходились въ тысячахъ экземпляровъ. Портреты его не сходили со страницъ иллюстрированныхъ изданій и украшали собою стѣны скромныхъ студенческихъ обиталищъ и роскошныхъ кабинетовъ. На литературныхъ вечерахъ поэта буквально носили на рукахъ.

Со всѣхъ концовъ Россіи Надсонъ получалъ постоянно самыя трогательныя посланія отъ многочисленныхъ поклонниковъ и особенно поклонницъ.

За недосугомъ и по болѣзни, поэтъ не всегда отвѣчалъ на такія посланія.

Но изъ всей массы сочувственныхъ писемъ Надсона особенно тронуло одно, за подписью Л.**, полученное имъ въ бытность его въ селѣ Носковцахъ, Подольской губ., куда онъ отправился, по настоянію друзей, для поправленія здоровья, расшатаннаго хлопотами по устройству въ Кіевѣ литературнаго вечера въ пользу литературнаго фонда: Надсона истощало кровохарканье и мучили сильнѣйшія лихорадки.

Въ первомъ письмѣ незнакомки Л.** поэту нравились особенно, по его словамъ, „милый, задушевный тонъ и сердечное, теплое чувство“, которымъ оно было проникнуто. Дѣтскій и юношескій возрастъ прошли для Надсона при весьма суровыхъ условіяхъ. Онъ не зналъ почти женской ласки.

Группа членовъ предсоборнаго присутствія.

- 1-й рядъ снизу (слѣва). 1) Еписк. могилевскій Стефанъ. 2) Архіеп. волынскій Антоній. 3) Архіеп. ярославскій Яковъ. 4) Архіеп. херсонскій Димитрій. 5) Митр. моковскій Владимиръ. 6) Митр. с.-петербургскій Антоній. 7) Митр. кievскій Фавіанъ. 8) Архіеп. литовскій Никандръ. 9) Архіеп. финляндскій Сергій. 10) Еписк. псковскій Арсеній. 11) Еписк. сухумскій Киріонъ. 12) Протоіер. П. И. Соколовъ.
- 2-й рядъ (слѣва). 1) Протоіер. А. С. Лебедѣвъ. 2) Проф. Н. И. Ивановскій. 3) Протоіер. Т. И. Буткевичъ. 4) Проф. К. Д. Поповъ. 5) Проф. С. Т. Толуевъ. 6) Ген.-лейт. А. А. Кизевъ. 7) Товар. оверъ-прокуроръ Св. Синода А. П. Роговичъ. 8) Оверъ-прокуроръ Св. Синода П. П. Извольскій. 9) Тайн. Сов. А. А. Не дгардъ. 10) Проф. И. С. Бердниковъ. 11) Проф. А. И. Ялмзавъ. 12) Проф. М. А. Машановъ. 13) Протоіер. О. И. Титовъ. 14) Пр. ф. В. ф. Лѣвникій. 15) Л. Б. Мансуръ. 16) Проф. А. И. Бриллиантовъ. 17) Л. А. Тихирировъ.
- 3-й рядъ верхній (слѣва). 1) Приж. повѣр. Н. Д. Кузнецовъ. 2) Прот. А. П. Мальцевъ. 3) Прот. Т. Т. Серебрянскій. 4) Прот. Т. Т. Кояловичъ. 5) Сенат. тайн. сов. П. И. Остроумовъ. 6) Проф. Н. Н. Глушковскій. 7) Прот. К. Т. Левитскій. 8) Проф. А. А. Дмитревскій. 9) Проф. И. И. Соколовъ. 10) Проф. М. Е. Красножонъ. 11) Проф. Н. А. Заозерскій. 12) Дѣст. стат. сов. А. А. Лагозъ.
- 4-й рядъ верхній (слѣва). 1) Проф. И. В. Поповъ. 2) Проф. М. А. Остроумовъ. 3) Священ. Т. В. Козловскій. 4) Прот. О. Успенскій. 5) Прот. М. Н. Казанскій.

И безумно-мучительно хочется счастья, Женской ласки, и слезы, и любви безъ конца!—

воскликаетъ поэтъ въ одномъ изъ популярныхъ своихъ стихотвореній.

На привѣтливое, ласковое письмо таинственной незнакомки Надсонъ спѣшитъ отвѣтить сердечнымъ откликомъ. И между ними завязалась переписка, которая продолжалась цѣлыхъ семь мѣсяцевъ. Последнее письмо, собственноручно написанное Надсономъ незадолго до кончины (21-го декабря 1886 г.), было адресовано неизвѣстной корреспонденткѣ.

Переписка между поэтомъ и незнакомкой заключаетъ много интересныхъ мыслей и сужденій, немало цѣнныхъ данныхъ для характеристики необыкновенно симпатичной личности поэта и обличаетъ незаурядную натуру его корреспондентки.

„Въ ея мягкихъ женственныхъ письмахъ, написанныхъ красивымъ и изящнымъ, хотя немножко черезчуръ женскимъ языкомъ,— писалъ Надсонъ,—почти художественно отразилась ея милый, граціозный обликъ“.

Самой корреспонденткѣ, которая восторгается „простотой, искренностью и изяществомъ его стиховъ, затрагивавшихъ нѣкоторыя ея душевныя струны“, Надсонъ пишетъ:

„Если есть на свѣтѣ какое-нибудь прочное счастье, то это—счастье знать, что вы не дни заблудились въ жизненномъ лѣсу, что рядомъ съ вами слышится человѣчскій голосъ, бьется человѣческое сердце. Вы дали мнѣ всюю душою почувствовать это счастье. Позвольте мнѣ надѣяться, что вы не заподозрите въ моемъ свѣтломъ чувствѣ другое чувство, болѣе низменное, чувство удовлетворенія тѣславию“.

Съ отличавшею его скромностью поэтъ проситъ не выхвалять его до небесъ и заявляетъ, что не гордится своимъ скромнымъ талантомъ, не имъ созданнымъ. Онъ утѣшаетъ себя, впрочемъ, мыслью, что если ему суждено вскорѣ покончить расчеты съ землей, то онъ все-таки не „весь умереть“.

Но незнакомка старается разогнать грустныя мысли, обуревающія поэта въ его письмѣ къ ней, разглядитъ морщины на блѣдномъ, страдальческомъ лицѣ больного.

„Прочитала, поцѣловала и тутъ же разсердилась,—отвѣчаетъ она:—зачѣмъ вы упоминаете о смерти? Какіе расчеты можете вы кончать съ жизнью, когда и счеы у васъ съ ней не начались? Вы должны жить,—словно гипнотически внушаетъ незнакомка поэту,—вы будете жить, вы обязаны жить, такъ какъ вашъ талантъ необходимъ для людей, какъ необходимъ для нихъ свѣтъ, тепло, воздухъ, цвѣты и музыка. Ваши стихи развѣ не воплощаютъ въ себѣ все это вмѣстѣ?“

Взоръ корреспондентки упалъ на портретъ поэта-страдальца, находившійся всегда предъ ея глазами, и у нея больно сердце сжалось: „Если онъ, этотъ человѣкъ, хочетъ умереть, какъ другіе смѣютъ жить?“ — восклицаетъ она.

Отношенія между „невѣдомой, но милой Любой“ и Надсономъ становились все болѣе дружескими и перешли затѣмъ въ идеальную заочную любовь. Поэтъ не дѣлалъ никакихъ усилій, чтобы разгадать инкогнито Любы. Онъ судилъ о ней только по ея преисполненнымъ нѣжности и любви къ нему письмамъ, не интересуясь ея общественнымъ положеніемъ.

Но незнакомка сама назвала свое имя, описала свой образъ жизни, семейное положеніе и даже наружность.

По ея словамъ, она красива и пока не встрѣчала женскаго лица, съ которымъ же-

лала бы помѣняться; черты лица, правда, неправильны, но глаза хороши *).

„Вотъ и я, милый поэтъ, en chair et en os,— писала Люба, посылая свою карточку...— Я ужасно похожа здѣсь, такъ похожа, что даже смѣшно“.

Надсону корреспондентка понравилась, повидимому: „Ваше лицо мнѣ нравится,—отвѣтилъ онъ по полученіи карточки:—правда, вашу красоту нельзя назвать классической, но глаза у васъ прелестны“.

Въ каждомъ новомъ письмѣ Люба сообщаетъ о себѣ все новыя и новыя детали. Рекомендуя себя „болтливой бабенкой“, она докладываетъ, что хорошо поетъ, ѣздитъ верхомъ, стрѣляетъ въ цѣль, предпринимаетъ экскурсіи на тройкахъ, что ей 24 года, но она пять лѣтъ замужемъ. Въ послѣдующихъ письмахъ Люба изъ особы средняго класса превращается уже въ „графиню Любу“, окруженную всяческою роскошью.

Поэта все это мало интересуетъ. Онъ, не знавшій, по его словамъ, въ дѣтствѣ ни ласки, ни тепла, ни участія, проникается хорошимъ чувствомъ къ незнакомкѣ за дружбу, за заботы объ его благополучіи, за сердечное, участливое и ласковое отношеніе къ нему. Свѣтское общество, къ которому принадлежитъ его другъ, ему противно.

„Вы,—графиня, аристократка и проч., а я—плебей... Смѣю васъ увѣрить, графиня,—язвительно замѣчаетъ Надсонъ,—что намъ, плебеймъ, не чуждо чувство такта въ такой же мѣрѣ, какъ и вамъ, сильнымъ міра сего. Да, наконецъ, мнѣ вовсе не интересна ваша фамилія: „Что имя? Звукъ пустой!“ Я убѣжденъ, что мнѣ, никогда не поднимавшемуся до тѣхъ общественныхъ слоевъ, въ которыхъ вы врашаетесь, оно скажетъ мало... Мое ухо болѣе привыкло къ именамъ Островскаго, Салтыкова, Тургенева и пр...“

Графиня Люба пробуетъ заступиться за свѣтское общество, особенно за женщину ея круга.

Но среди милой болтовни разсыпаны, словно жемчугъ, изящныя французскія фразы, мѣткія замѣчанія, обличающія хорошее воспитаніе, тонкій вкусъ, знакомство съ литературой.

Въ одномъ письмѣ Люба рекомендуетъ Надсону читать поэта Jean Rameau, у котораго есть пріятныя вещи для перевода. Въ другомъ она негодуетъ на Буренина, отравлявшаго больному поэту послѣднія минуты его жизни своимъ ядовитымъ клеветническимъ шипѣніемъ.

„Зачѣмъ вы связались avec ce grand mal-reigné de B-e?—спрашиваетъ Люба.—Я получаю „Новое Время“ и бросила уже два Мѣ въ печку, тѣ Мѣ, въ которыхъ онъ о васъ судитъ“.

„Мнѣ кажется, что вы по вашей впечатлительности и глубокой честности преувеличиваете значеніе буренинскихъ выходокъ... Тамъ, гдѣ я бываю, мнѣнне объ этомъ господинѣ самое некрасивое: его называютъ литературнымъ „шутеромъ“...“

Такъ писала Люба въ послѣднемъ письмѣ къ поэту, который чуть-ли не со смертнаго одра собирался отправиться въ Петербургъ изъ Ялты свести счеы съ Буренинымъ. Призывавшіе участіе въ трагической судьбѣ поэта-страдальца тѣсно просили А. С. Суворина пощадить умирающаго.

Могла-ли оставаться равнодушной къ нападкамъ на Надсона женщина, которая бла-

*) Если фотографическая карточка Любы, видѣнная мною у близкаго друга покойнаго поэта, хорошо передаетъ черты ея лица, то онѣ, дѣйствительно, не поражаютъ своею правильностью. Авт.

говѣла предъ нимъ и заочно любила! Объ этой своей любви она впервые заявила ему откровенно въ письмѣ отъ 15-го августа.

„Слушайте: я васъ люблю; къ моему горю, это такъ“.

Но, любя поэта, Люба вначалѣ устраняетъ всякую мысль о свиданіи съ нимъ и лишь въ послѣдствіи начинаетъ посылаться къ нему. Но и Надсонъ всячески отговаривалъ ее до самой кончины отъ свиданія, хотя пишетъ, что незнакомкѣ „нельзя не любить“.

„Письма ваши такіа милыя, мягкія, женственныя. Какъ жаль, что вы достались свѣту. Онъ васъ не стоитъ“.

Свиданія съ заочной возлюбленной Надсонъ боится, опасаясь разочаровать ее и разочароваться. „Вы, напримѣръ, столько мнѣ патологовали о вашей красотѣ, что окажись вы немножко не красавицей, я буду на васъ въ претензіи. Къ тому же вашъ иностранный выговоръ долженъ неприятно поразить меня, въ особенности послѣ вашихъ милыхъ писемъ, написанныхъ красивымъ, изящнымъ, хотя немножко черезчуръ женскимъ языкомъ“.

И свиданіе русскихъ Франчески и Паоло не состоялось. Смерть, давно уже подстерегавшая поэта-страдальца, положила конецъ перепискѣ между заочно влюбленными.

На могилу поэта на Волковомъ кладбищѣ возложила вѣнокъ съ надписью „отъ графини Любы“ дама въ траурѣ и подъ густою вуалью.

* * *

Черезъ нѣкоторое время стали получаться письма за подписью графини Любы на имя близкаго друга поэта, писательницы, которая была для него, по его словамъ, „ангеломъ-хранителемъ“ и съ чисто материнскою заботливостью и рѣдкимъ самоотверженіемъ ухаживала за нимъ во время его болѣзни.

„Содня смерти С. Я.—писала ей Люба,—я кожу какой-то удрученной: такая тяжесть давитъ меня, что я задыхаюсь. Я вижу вокругъ себя смерть, смерть и смерть, а главное—его вижу, блѣднымъ, блѣднымъ, молодымъ и такимъ несчастнымъ, съ жаждой жизни и счастья и безнадежно больнымъ. Какъ кошмаръ, меня все это преслѣдуетъ“.

Смерть поэта глубоко потрясла его корреспондентку:

„Смерть С. Я. какъ-то странно поколебала меня,—пишетъ она.—Со смертью его во мнѣ что-то порвалось, совсѣмъ, совсѣмъ... Я на себѣ испытала, какъ можно любить всей душой, всѣмъ сердцемъ, не имѣя личныхъ сношеній съ любимымъ существомъ: такъ я любила С. Я. Мнѣ больше никого не придется любить такъ, какъ я любила его. Да и онъ былъ совсѣмъ особенный. Я его никогда не видала, не знала, и шесть мѣсяцевъ послѣ смерти этого человѣка я точно такъ же не могу равнодушно о немъ говорить, какъ и въ первое время послѣ его смерти.“

„Es giebt im Leben Augenblicke Die man Momente nennt“.

„И если въ сравненіи съ вѣчностью моя жизнь окажется тоже мгновеніемъ, я постараюсь, чтобы оно было блестящимъ, ничѣмъ не запятаннымъ мгновеніемъ“.

Вскорѣ послѣ этого сдѣлалось извѣстнымъ, что графини Любы не стало.

Переписка между нею и поэтомъ была воспроизведена въ неполномъ видѣ въ „Книжкахъ Недѣли“, подъ заглавіемъ „С. Я. Надсонъ и графиня Люба“. Она произвела сильное впечатлѣніе въ обществѣ и въ печати.

Графиня Люба очаровала не одного поэта. Не въ мѣру былъ очарованъ ею публицистъ Г. К. Градовскій; поэты Андреевскій и Мережковскій восхваляли свѣтскую красавицу, которая обнаружила такую идеальную

привязанность къ поэту-„плебею“, какъ называлъ себя Надсонъ.

Въ нашъ глубоко-матеріальный вѣкъ и далеко не романтическое время казался вѣкъ весьма трогательнымъ весь этотъ эпизодъ въ жизни Надсона, похожій скорѣе на вымыселъ обладающаго нилкою фантазіею беллетриста. Поэта даже упрекали заднимъ числомъ въ нѣкоторой холодности, сквозившей порою въ его письмахъ къ заочной возлюбленной, въ неумѣстныхъ и жестокихъ заявленіяхъ о нежелательности свиданій, о представленіи корреспонденткѣ во всякое время прервать отношенія и переписку и т. д.

Но друзьямъ покойнаго поэта и не въ мѣру увлекавшимся почитателямъ графини Любы пришлось испытать маленькое разочарованіе...

„Графиня Люба“ оказалась, по слухамъ, не безвременно угасшей 24-лѣтней графиней, а здравствующей,—быть можетъ, и доднесь,—супругой интендантскаго чиновника, особливо 30-ти лѣтъ, матерью четырехъ дѣтей, отнюдь не графскаго происхожденія. Жила она не въ роскошномъ графскомъ палаццо, а гдѣ-то на Николаевской.

Объ этомъ смутные слухи дошли до А. Н. Плещеева, литературнаго „краснаго отца“ поэта. Слухи проникли въ печать. Въ „Новомъ Времени“ появилась злорадная замѣтка по этому поводу. „Ce grand malpeigné de Bougenipe“ не могъ не воспользоваться случаемъ лишний разъ оскорбить память поэта и свести старые счеты. Онъ не пощадилъ попутно почтенной писательницы, о которой Надсонъ писалъ незадолго до кончины, точно предчувствуя буренинскую клевету: „Я въ Крыму съ моимъ другомъ, къ которой я отношусь, какъ къ старшей сестрѣ... Да не коснется ничего темное ея имени“...

Какъ бы то ни было, газетное разоблаченіе смутило друзей Надсона. Отпечатанная и приговоренная уже къ выпуску на книжный рынокъ книга, заключавшая переписку поэта и незнакомки съ пояснительнымъ предисловіемъ, была задержана, хотя ожидавшаяся, въ виду популярности поэта, изрядная выручка предназначалась для усиленія средствъ на сооруженіе ему памятника.

Одинъ покойный Глѣбъ Успенскій ничуть не былъ смущенъ газетными разоблаченіями псевдонима надсоновской корреспондентки.

— Ну, что-жъ изъ того, что она не графиня? Это ничего, это даже хорошо!—замѣтилъ онъ.

И Успенскій былъ правъ. Если бы незнакомка, обнаружившая такъ много теплоты и сердечности въ своихъ письмахъ къ Надсону, объявила себя простой крестьянкой, то поэтъ не измѣнилъ бы къ ней своихъ отношеній, а даже совсѣмъ напротивъ. Мы видѣли, какъ онъ отнесся къ сообщенію о графствѣ его корреспондентки.

Какъ знать, можетъ быть, въ глубинѣ души чуткій поэтъ сомнѣвался и въ „графствѣ“, и во многомъ другомъ. Недаромъ онъ въ одномъ письмѣ какъ будто обмолвился на этотъ счетъ:

„Кстати о вашихъ письмахъ,—заявляетъ Надсонъ,—они вовсе не такъ просты, какъ это можетъ показаться съ перваго раза: въ каждомъ изъ нихъ есть всегда какая-нибудь задняя мысль. Я не могу указывать вамъ, въ чемъ именно: это тонко, какъ паутина“...

Для чего же мнимая графиня прибѣгла къ самозванству, мистифицировала, безъ сомнѣнія, горячо любимаго ею поэта? Для чего ей понадобилась вся эта хотя и невинная ложь?

На этотъ счетъ немного проговорила особа, являвшаяся къ другу Надсона, въ качествѣ, якобы, третьяго лица, отъ имени

„графини“ и заподозрѣнная въ принадлежности ея перу писемъ къ поэту.

„Я любила Надсона,—созналась она, послѣ нѣкоторыхъ колебаній,—какъ, быть можетъ, никто. Я хотѣла усладить послѣднія минуты его жизни, занять вниманіе больного поэта, отвлечь его отъ грустныхъ мыслей“...

Скоро, впрочемъ, она отрелася отъ этихъ словъ. Сознаніе было, будто, вынужденное, вслѣдствіе нежеланія подвергнуться допросу о личности графини.

Есть, однако, полное основаніе думать, что сознаніе было искреннее, что инкогнито мнимой графини раскрыто. Нѣкоторыя данныя съ положительностью указываютъ на тождество мнимой графини и мнимой ея пріятельницы.

Съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Надсонъ, прошло 20 лѣтъ, и можно простить графинѣ Любѣ ея маленькую мистификацію: не въ послѣдней центрѣ тяжести глубоко интересной переписки, а въ тѣхъ отраднѣхъ минутахъ, которыя доставило больному поэту чтеніе писемъ незнакомки. Ей литература обязана отвѣтными письмами поэта, въ которыхъ разсѣяно такъ много яркихъ мыслей и гдѣ въ такомъ симпатичномъ свѣтѣ вырисовывается личность Надсона.

Да и письма надсоновской корреспондентки сами по себѣ не лишены интереса, какъ литературное произведеніе. Недаромъ одинъ изъ петербургскихъ издателей одно время разыскивалъ ее, чтобы предложить ей посвятить себя литературной работѣ и украсить его изданіе своими произведеніями...

Въ собраніе сочиненій С. Я. Надсона включено почти все, имѣющее значеніе для его характеристики, но, несмотря на протекшія двѣ земскія давности, переписка его съ незнакомкой не сдѣлалась еще достояніемъ всей читающей публики. Это не мѣшало бы сдѣлать теперь, выпустивъ изъ плѣна задержанную 20 лѣтъ тому назадъ книгу...

А. Кауфманъ.

Конанъ-Дойль въ роли Шерлока Холмса.

Анонимныя письма.—Подложныя доказательства.—Надзоръ за пасторскимъ домомъ.—Семь лѣтъ тюрьмы.—Аппеляція къ англійскому народу.

Конанъ-Дойль,—извѣстный всему свѣту сочинитель похожденій Шерлока Холмса, спустился недавно съ высоты фантазіи и изобразилъ лично Шерлока Холмса, чтобы доказать невинность одного молодого адвоката, Георга Эдальи, приговореннаго въ 1903 году, совершенно несправедливо, къ 7 годамъ тюремнаго заключенія.

Со всей тонкостью своего ума Дойль собралъ всѣ улики, выставленныя противъ Эдальи, въ двухъ длинныхъ статьяхъ, которыя онъ предоставилъ въ распоряженіе англійскихъ газетъ, и убѣдительно доказалъ, что въ лицѣ Эдальи несетъ наказаніе за преступленіе другихъ невинный.

Несчастный, карьера котораго совершенно испорчена, уже отбылъ три года изъ назначеннаго ему наказанія, и теперь освобожденъ на честное слово.

То, что написалъ по этому дѣлу Дойль, можно прочесть, какъ одну изъ сочиненныхъ имъ уголовныхъ исторій, съ той только разницей, что тутъ ему не удалось обличить настоящаго преступника.

Преступленіе, въ которомъ обвиняется Эдальи, состоитъ въ томъ, что онъ въ ночь на 17-е августа 1903 года, въ Гретъ-Вирли, въ угольной копѣ, распоролъ животъ бывшему на пастбищѣ пони. Онъ обвинялся также въ

томъ, что былъ коноводомъ шайки, которая въ прошедшіе мѣсяцы убивала и уродовала, такимъ же образомъ лошадей, коровъ и овецъ.

18-го августа Эдальи былъ арестованъ, но 21-го сентября 1903 года и 4-го февраля и 24-го марта 1904 года были открыты такія же преступленія, и былъ арестованъ и приговоренъ за нихъ къ 3 годамъ тюремнаго заключенія пьяница и грубиянъ, углекопъ, по имени Фаррингтонъ.

Но никому не пришло въ голову сопоставить дѣянія Эдальи и Фаррингтона, хотя съ арестованіемъ послѣдняго всѣ названныя преступленія прекратились.

Георгъ Эдальи—сынъ викарія въ Гретъ-Вирли, близъ Вальзалъ, въ Стаффордширѣ. Жители этого церковнаго прихода—частью крестьяне, частью рудокопы. Викарію Эдальи—парсъ (индусъ); ему съ самаго начала пришлось бороться со многими предубѣжденіями противъ его происхожденія и цвѣта кожи, которыя онъ, однако, почти всѣ преодолѣлъ за 31 годъ своей пасторской дѣятельности и безупречной жизни.

Георгъ былъ старшій изъ 3 дѣтей пастора и родился въ 1876 году. Онъ былъ еще ученикомъ въ школѣ, когда въ 1888 году стали появляться въ пасторатѣ анонимныя угрожающія письма, и семейство викарія оскорблялось надписями на заборахъ и дверяхъ.

Подозрѣніе пало на Елизавету Фостеръ, служанку въ пасторатѣ; при разслѣдованіи дѣла защитникъ ея настоялъ на томъ, что она только сыграла глупую шутку, и судья оправдалъ ее, взявъ съ нея обязательство оставить впредъ семейство Эдальи въ покоѣ.

Въ 1892 и до 1895 года викарію Эдальи опять стали беспокоить анонимными письмами, гдѣ открыто заступались за Елизавету Фостеръ, а Эдальи и его семью осыпали самыми грубыми, площадными ругательствами и страшными угрозами.

Конанъ-Дойль читалъ всѣ эти письма и пришелъ къ убѣжденію, что ихъ писалъ сумасшедшій.

Несмотря на всѣ старанія викарія и полиціи, никакъ не могли открыть сочинителя этихъ писемъ. Но въ письмахъ, которыя получала въ то же время и полиція, заявляли подозрѣніе на Георга, и начальникъ полиціи въ Стаффордширѣ, какъ это видно изъ его писемъ къ отцу Георга, раздѣлялъ это подозрѣніе. Такъ какъ полицію навели на фальшивый слѣдъ, то не удивительно, что она не могла найти настоящаго виновника.

Что болѣе всѣхъ попадало въ письма Георгу и что отцу угрожали, что его накажутъ въ лицѣ его сына и сдѣлаютъ послѣдняго несчастнымъ на всю жизнь,—на это полиція не обратила вниманія. Это было такъ странно, что Дойль высказываетъ подозрѣніе, что нѣкоторые полицейскіе были заодно съ Фостеръ и ея друзьями.

Въ концѣ 1895 года письма вдругъ прекратились, и въ Вирли настало спокойствіе до 1903 года. Потомъ преслѣдованіе началось снова.

Въ продолженіе всей этой исторіи Георгъ жилъ у родителей и ѣздилъ каждый день въ Бирмингемъ, гдѣ изучалъ право съ большимъ успѣхомъ. Сначала онъ практиковалъ въ судѣ по сосѣдству, а потомъ сдѣлался адвокатомъ въ Бирмингемѣ, хотя жилъ все время у родителей.

Дойль описываетъ его, какъ примѣрнаго молодого человѣка: онъ не куритъ и не пьетъ, въ высшей степени прилеженъ и добросовѣстенъ и до такой степени близорукъ, что его можно назвать почти слѣпымъ. Болѣе неподходящаго человѣка Дойль не можетъ и придумать для того, чтобы идти въ темную ночь

на пастбище, искать животных и уродовать изъ такимъ дьявольскимъ способомъ. Дойль прошелъ среди бѣла дня дорогу, по которой шелъ Эдальн ночью 17-го августа 1903 года. Она ведетъ поперекъ поля черезъ канавы, изгороди и желѣзнодорожныя насыпи, такъ что ночью ее можетъ найти только человекъ, одаренный отличнымъ зрѣніемъ и знающій хорошо мѣстность. „Георгъ же, какъ пишетъ Дойль,—слѣлъ, какъ летучая мышь, да и послѣдняя имѣетъ то преимущество передъ нимъ, что видитъ ночью“.

Въ 1903 году опять стали появляться анонимныя письма, и въ то же время началось уродованіе скота.

Полиція получила письмо отъ одного школьника, по имени Греторексъ, гдѣ онъ выдаетъ себя и Георга Эдальна за виновниковъ преступленія. Но Греторексъ отрицалъ фактъ, что онъ—авторъ письма. Тогда у полиціи снова возникло подозрѣніе, что авторъ—Георгъ Эдальн: онъ самъ пишетъ письма и обвиняетъ самого себя, чтобы отвлечь отъ себя подозрѣніе. Было командировано 20 сыщиковъ, и за пасторатомъ наблюдали каждую ночь.

Вечеромъ рокового 17-го августа Эдальн воротился домой изъ Бирмингама въ половинѣ седьмого. Онъ занимался нѣкоторое время и въ половинѣ девятого пошелъ къ сапожнику Гандсу, въ Вирли. Его видѣли нѣсколько человекъ во время его пути ту-

Дмитрій Ивановичъ Менделѣевъ.

(† 20-го января, въ С.-Петербургѣ).

Съ послѣдней фотографіи.

да и обратно. Въ половинѣ десятаго онъ былъ опять дома, поужиналъ и легъ спать въ той же комнатѣ, въ которой спалъ его старый отецъ. Онъ заперъ дверь, какъ имѣлъ обыкновеніе всегда дѣлать это. Четыре сыщика дежурили пѣлую ночь у дома и не видали, чтобы кто-нибудь выходилъ изъ него.

На утро нашли на пастбищѣ истекающаго кровью пони. Привзванный ветеринаръ заявилъ, что рана совершенно свѣжая. Если бы она была нанесена животному днемъ раньше, то оно давно бы истекло кровью.

Кто же былъ виновникъ этого новаго позорнаго дѣла? Полиція утверждала, что она его знаетъ. Это — Георгъ Эдальн, говорила она. Она сдѣлала обыскъ въ пасторатѣ и нашла старое домашнее платье Георга, которое было, будто бы сыро, и на одномъ рукавѣ котораго были видны два маленькихъ брызга крови, и бритву пастора, съ „кровавыми пятнами“ на ней, которыя оказались потомъ самой обыкновенной ржавчиной.

На платьѣ ветеринаръ нашелъ, спустя нѣсколько дней, 27 лошадиныхъ волосъ; но потомъ оказалось, какъ удостовѣряетъ Дойль, что платье лежало вмѣстѣ съ кускомъ кожи убитаго пони.

Выяснилось, что на Георгѣ были надѣты, когда онъ вечеромъ вернулся изъ Бирмингама и былъ арестованъ, сапоги съ стоптанными каблучками, которые какъ разъ совпадали со слѣдами, оста-

Петербургскій комитетъ „октябристовъ“.

Первый рядъ (сидятъ). 1) Баронъ Э. А. Брюггенъ. 2) В. Л. Тельмерсенъ. 3) Т. Т. Лерке. 4) Н. И. Монаховъ. 5) А. В. Бобринцевъ-Пушкинъ. 6) Ю. Н. Милютинъ. 7) Баронъ В. А. Каляевъ. 8) М. А. Волковъ. 9) А. А. Стелънъ. 10) Л. С. Чистяковъ. 11) В. Ф. Поповъ. 12) Д. Л. Семеновъ. Второй рядъ (стоятъ): 1) О. Э. Радецкий. 2) Т. В. Никаноровъ. 3) Ф. И. Шмидтъ. 4) М. В. Красовскій. 5) Н. А. Косылевъ. 6) гр. Л. Л. Толстой. 7) кн. А. В. Оболенскій. 8) А. Н. Афанасьевъ. 9) В. С. Криженко. 10) М. М. Кошелевъ. 11) С. Л. Бяляевъ. 12) О. А. Струве. 13) А. Н. Брусницынъ и 14) п. отоіерей Ф. Н. Орнатскій.

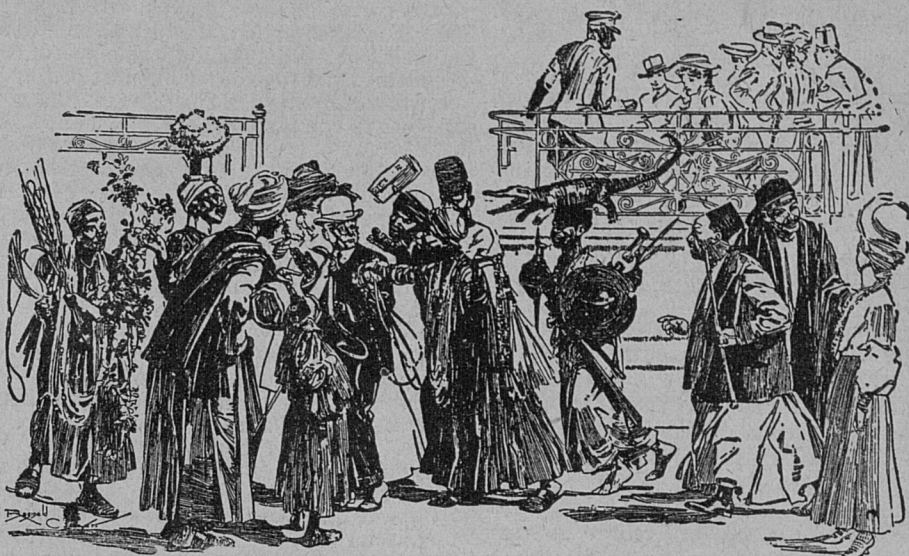
Танцы въ пустынь.

вленными виновникомъ преступленія; это заявила полиція на слѣдствии.

Конанъ-Дойль приводитъ слѣдующее: Георгъ Эдалъи былъ до половины девятого у сапожника Гандса въ Вирли и въ половинѣ десятого былъ уже дома. По свидѣтельству сыщиковъ, наблюдавшихъ за домомъ всю ночь, никто не выходилъ изъ пастората. Отъ половины десятого его алиби, стало быть, доказано. Онъ долженъ былъ совершить преступленіе въ одинъ часъ. Но пастбище лежитъ на разстояніи одного километра отъ Вирли. Эдалъи долженъ былъ, такимъ образомъ, при своемъ плохомъ зрѣніи

Осель-націоналисть.

Уличные торговцы, современная язва туристовъ.

пройти до поля, потомъ назадъ въ Вирли и оттуда домой въ одинъ часъ, да и успѣть изувѣчить лошадь: невозможное дѣло.

Ветеринаръ говорить, что преступленіе могло быть совершено подъ утро, но Эдалъи былъ дома уже въ половинѣ десятого вечера.

А сырой сюртукъ?! Это былъ старый сюр-

тукъ, который Эдалъи носилъ дома; онъ не былъ надѣтъ на Георгъ, когда онъ пошелъ къ сапожнику. Да онъ и не былъ сырымъ, какъ показываетъ викарій Эдалъи. Около полуно-

Американка покупаетъ поддѣльныя древности.

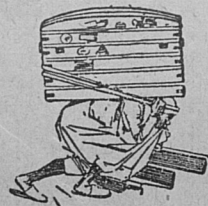
Охотничьи рассказы.

чи пошелъ сильный дождь. Если-бы Георгъ, незамѣченный сыщиками, ускользнулъ подъ утро изъ дома и прошелъ въ сюртукъ отъ пяти до шести километровъ, то онъ былъ бы не только сыръ, но и насквозь мокръ.

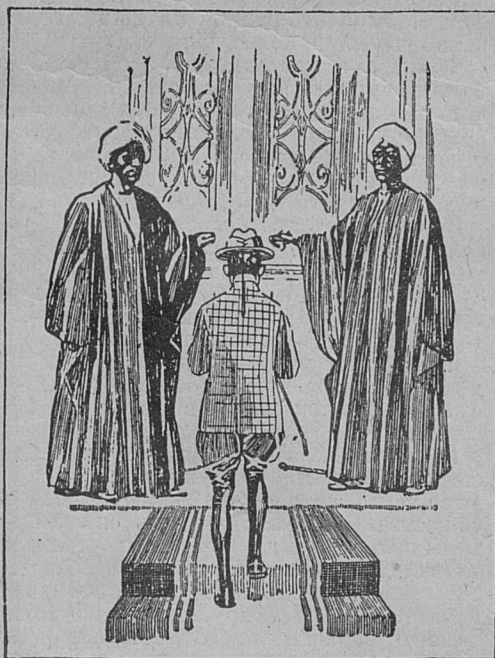
А слѣды, совпадающіе съ сапогами Георга,

Возвращеніе американскаго милліонера съ охоты.

Жосильщикъ-феллахъ.

Входъ въ отель, въ Каирѣ.

Завтракъ въ „домъ Менъе“.

Зимній сезонъ въ Египтѣ. (См. статью на стр. 22).

могли быть сдѣланы только послѣ дождя. Показанія полиціи противорѣчатъ одно другому.

Во время процесса защитникъ Эдалы не представлялъ на видъ всѣхъ этихъ пунктовъ и вообще, велъ дѣло неумѣло. Такимъ образомъ вышло, что присяжные придавали значеніе лишь показаніямъ полиціи противъ обвиняемаго, полиціи, которой требовался козель отпущенія! Они признали Эдалы виновнымъ, на основаніи этого приговорили его къ 7 годамъ тюремнаго заключенія.

Такъ какъ въ англійскомъ законѣ нѣтъ права обжалованія приговора присяжныхъ, то Эдалы пришлось отбывать свое наказаніе.

Дойль не говоритъ жесткихъ словъ, но у него можно прочесть между строкъ, что полиція сама фабриковала доказательства вины Георга.

Конанъ-Дойль, а также и всѣ, кто принималъ участіе въ Георгѣ, не успокоятся до тѣхъ поръ, пока не разъяснится это дѣло.

Статья Дойля кончается воззваніемъ къ послѣдней инстанціи, — къ англійскому народу. Онъ спрашиваетъ, долго-ли будетъ терпимо вынѣшнее отправленіе правосудія, которое исключаетъ возможность обжалованія приговора присяжныхъ засѣдателей.

Въ гаремъ персидскаго шаха.

За исключеніемъ самого повелителя и евнуховъ, въ гаремъ шаха персидскаго не допускается ни одинъ мужчина, кромѣ доктора.

Лейбъ-медикъ любимой дочери умершаго шаха — англичанинъ, которому удалось получить этотъ высокій постъ только благодаря случаю.

Всевозможными интригами его туземнымъ коллегамъ постоянно удавалось не допускать его къ женамъ и дочерямъ шаха, такъ что его дѣятельность, — онъ былъ вызванъ въ Тегеранъ самимъ шахомъ, — ограничивалась лѣченіемъ женъ чиновниковъ и невольницъ.

Случай пришелъ къ нему на помощь. Однажды, въ жаркій полдень, когда онъ ухаживалъ за тяжело-больной служанкой, вдругъ его зовутъ, и притомъ какъ можно скорѣе, къ заболѣвшей принцессѣ, — она извивалась отъ боли, — а другой врачъ не могъ такъ скоро прибыть.

Въ „дирхаминѣ“, въ подвальномъ, выложенномъ бѣлымъ мраморомъ помѣщеніи, въ центрѣ котораго фонтанъ распространялъ пріятную прохладу и которое было любимымъ мѣстомъ всѣхъ дамъ гарема въ жаркіе дни, — врачъ нашелъ принцессу, окруженную цѣлой толпой охолоющихъ женщинъ. Она лежала, скрытая занавѣсомъ, на оттоманкѣ и громко стонала, и только послѣ настойчивыхъ просьбъ протянула врачу свою нѣжную, крошечную ручку изъ подъ занавѣса, чтобы онъ могъ пощупать пульсъ. Въ концѣ-концовъ, она рѣшилась даже показать свой (совсѣмъ не розовый), язычекъ. Послѣ долгихъ вздоховъ и стоновъ она разсказала, что злые духи преслѣдовали ее во снѣ, окружили и пронзили ей грудь длинными иглами, что причиняетъ ей страшныя боли.

Не обращая вниманія на злыхъ духовъ, врачъ обратился къ дежурному евнуху съ вопросомъ, что кушала ся высочество, и получилъ отвѣтъ: замороженный кремъ изъ огурцовъ, а также замороженный бѣлый сыръ. Этого было довольно для врача. Желудокъ человека одинаковъ во всемъ свѣтѣ, и врачъ прописалъ обыкновенное при желудочныхъ заболѣваніяхъ средство.

Но въ ту минуту, когда оно уже было

принесено, и принцесса собиралась принять его, появились вдругъ всѣ персидскіе „коллеги“ врача, наложили свое veto на лѣкарство и начали, прежде всего, заклинать злыхъ духовъ. Конечно, безъ результатовъ. Принцесса сама захотѣла испробовать средство европейца, и оно произвело такой поражающій эффектъ, что положеніе европейскаго врача было съ тѣхъ поръ упрочено.

Въ прежніе годы входъ во дворецъ шаха и въ гаремъ былъ охраняемъ двумя глухонемыми неграми изъ Судана, которые были вооружены серебряными, обсыпанными золотыми иглами полицейскими кнутами, украшенными драгоценными камнями; они были всегда готовы разбить голову всякому, кто бы осмѣлился приблизиться на разстояніе руки къ священному дворцу.

Эта сгража теперь уничтожена, но смертная казнь примѣняется и нынѣ за такое святотатство.

Охрана гарема возложена исключительно на евнуховъ. При входѣ во дворецъ дворца прежде всего попадаютъ въ помѣщеніе этихъ особенныхъ созданий. Ихъ много только въ императорскомъ гаремѣ, потому что они стоятъ большихъ денегъ. Самые цѣнные и болѣе всѣхъ желанные, это — абиссинцы и негры изъ Судана; за нихъ платятъ часто 1000 фунтовъ за „голову“.

Они всѣ лишены бороды и отвратительно — безобразны. Нѣкоторые — тоще, какъ скелетъ, съ болѣзненнымъ цвѣтомъ лица, съ отвисшей нижней губой; кожа головы и лица вся въ складкахъ, другіе — жирные до того, что тѣло ихъ трясется, похожи на женщину, неаппетитны и особенно злы; всѣ они говорятъ характернымъ, противнымъ фальцетомъ.

Евнухъ не пользуется большимъ довѣріемъ своего властелина, хотя объ этомъ много и часто рассказывали; его можетъ подкупить всякій, кто хочетъ. Но такъ какъ его господинъ имѣетъ власть надъ его жизнью и смертью, то евнухъ нѣсколько разъ подумаетъ прежде, нежели согласится закрыть глаза на какое-нибудь нарушеніе законовъ гарема.

Изъ помѣщенія евнуховъ закрытый проходъ ведетъ въ „андерунъ“, расположенный квадратомъ садъ, въ которомъ день и ночь бьетъ фонтанъ, распространяющій прохладу; вездѣ насажены цвѣтущіе кустарники, рѣдкіе цвѣты и великолѣпные, старые платаны.

Садъ обведенъ кругомъ двухэтажнымъ строеніемъ изъ бѣлаго мрамора съ окнами, украшенными позолоченными рѣшетками, и дверями, ведущими въ собственныя комнаты царскихъ женъ. Здѣсь онѣ принимаютъ своихъ родственницъ и пріятельницъ, и хотя, какъ увѣряютъ, умершій „царь царей“ имѣлъ „только“ 12 законныхъ женъ, въ „андерунѣ“ была всегда страшная сутолока.

Прислуживающія женщины носятъ національный костюмъ, который надѣваютъ и дамы, но только внѣ дома; онѣ всѣ бредятъ Парижемъ и не жалѣютъ никакихъ денегъ, если возможно затмить какую-нибудь подругу костюмомъ отъ Ворта.

Иногда случается, что которая-нибудь изъ „розъ Ширазъ“, разсердясь на драгоценный туалетъ подруги или кузины, выписывала точно такой же для своей горничной, которая и прислуживала во время чая въ томъ же нарядѣ, какъ и приглашенная, что очень приподнимало настроеніе въ салонѣ...

Парижскія фирмы имѣютъ очень ловкихъ агентовъ въ Тегеранѣ, которые умѣютъ сбывать въ гаремъ за громадную цѣну товары, совершенно вышедшіе изъ моды въ Парижѣ.

Кромѣ костюмовъ изъ Парижа, играютъ роль въ жизни восточной женщины туземныя шелковыя матеріи, шали, покрывала, тонкія, какъ паутина, ткани для

бѣлья. Но самое первое мѣсто въ сердцахъ всѣхъ женщинъ гарема занимаютъ драгоценности, и умершій шахъ осыпалъ ими своихъ фаворитовъ при всякомъ удобномъ случаѣ.

Самое горячее желаніе каждой жены высшихъ сановниковъ и, на первомъ мѣстѣ, конечно, жены шаха, это — имѣть ребенка. Быть безплодной — позоръ, который служитъ поводомъ къ разводу.

Ребенокъ является залогомъ продолжительной благосклонности повелителя и открываетъ виды на выполненіе самыхъ честолюбивыхъ надеждъ, если ребенокъ мужского пола. Его мать будетъ осыпана милостями и почестями.

Если у жены шаха нѣтъ надежды имѣть ребенка, то она принимаетъ всевозможныя средства, чтобы имѣть его, отправляется въ самое дальнее и утомительное богомолье и приноситъ всевозможныя жертвы. Конечно, безсовѣстные знахари и дервиши пользуются суевѣріемъ этихъ большихъ дѣтей. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ отъ безплодія является натираніе тѣла желчью волка, а если ничто не помогаетъ, то глотаютъ, съ опасностью жизни, землю съ могилами пророка...

Жизнь безъ талисмановъ невысказима на Востокѣ; самые употребительные изъ нихъ, это — жареная кожа гіены, порошокъ изъ печени обезьяны, волосы рыси, спинной хребетъ совы, разные сиропы, писанная молитва, зашитая въ кожаные мѣшечки и носимая секретно подъ платьемъ; пергаментъ, съ написанными на немъ кабалистическими знаками, мочатъ въ горячей водѣ, покуда она не смѣшается съ чернилами. Это поило сохраняетъ молодость и приноситъ исполненіе всѣхъ желаній, если къ нему присоедишить порошокъ изъ мускуловъ обезьяны.

Развлеченія дамъ царскаго гарема очень мало разнообразны.

Какъ всѣ дамы персидскаго высшаго общества, онѣ не занимаются ничѣмъ, даже никакимъ женскимъ рѣкодѣльемъ. Это позволительно только женщинамъ низшаго сословія.

Все занятіе жительницъ гарема состоитъ въ нарядахъ, въ болтовнѣ, смѣхѣ, шуткахъ, въ дѣланіи визитовъ, въ угощеніи чаемъ и лакомствами. У нихъ нѣтъ никакого научнаго образованія. Такой низкій уровень нравственнаго развитія способствуетъ множеству интригъ, иногда личнаго, а иногда и политическаго характера.

Высокопоставленные люди пользуются часто умной женщиной, какъ посредницей, чтобы имѣть вліяніе на шаха, а черезъ него — и на политику.

Что касается до качества развлеченій, то сама супруга шаха въ этомъ отношеніи довольно неразборчива. Рассказы, похожие на сказки изъ 1001 ночи, и шутство старыхъ бабъ — вызываютъ громадное восхищеніе. Занимаются музыкой, пѣніемъ, танцами съ утра до вечера.

Существуетъ въ Тегеранѣ даже родъ балетной школы, гдѣ обучаютъ маленькихъ дѣвчонокъ тайнамъ Терпсихоры. Темпъ танца обозначается шелканіемъ пальцевъ или маленькимъ инструментомъ, похожимъ на кастаньеты.

Фаворитки, у которыхъ есть свое отдѣльное помѣщеніе, допускаютъ присутствовать при своемъ вставаніи и одѣваніи по утрамъ дамъ высшаго общества; у нихъ же въ 5 часовъ дня бываетъ торжественное питье чаю, куда приглашаются часто европейскія дамы высшаго общества. Во время выѣздовъ онѣ закутаны покрывалами, какъ и всѣ восточныя женщины; ихъ экипажъ, широкое, закрытое ландо, съ шелковыми подушками канареечнаго цвѣта, окруженъ цѣлымъ отрядомъ верховыхъ евнуховъ; впереди форейторы въ пурпуровыхъ одеждахъ, покрытыхъ золотыми и серебряными галунами, очищаютъ дорогу и кричатъ

рѣзкимъ голосомъ: „будьте слѣпы!“ Евухи, съ плетками въ рукахъ, заставляютъ пѣшеходовъ убѣгать въ боковыя улицы и обращаться лицомъ къ стѣнѣ или падать на землю, лицомъ внизъ. Никто не обижается на такое обращеніе; напротивъ, всѣ довольны, когда увидятъ такой важный поѣздъ...

Позади всего ѣдетъ мужская прислуга, также верхами, и везетъ завернутые въ драгоцѣнные кашмиры самоваръ и наргилѣ повелительницы, ея любимыхъ собакъ и кошекъ. Конечъ кавалькады составляетъ военный эскортъ иррегулярнаго курдскаго полка.

Къ развлечениямъ принадлежитъ также и поѣздка на богомолье.

Ихъ предпринимаютъ или для выпрашивания какой-нибудь милости у святого, или для того, чтобы внести хоть какое-нибудь разнообразіе въ монотонную жизнь; но молодыя женщины не принимаютъ далекіхъ путешествій, такъ какъ не совсѣмъ благоразумно улаяться надолго отъ своего господина и царя. Дальнее богомолье предпринимаютъ только получившія отставку фаворитки, чтобы хоть чѣмъ-нибудь усладить свою, дѣйствительно, адекую скуку.

Зимній сезонъ въ Египтъ.

(Къ рисункамъ на стр. 21).

Прежде самымъ удобнымъ временемъ для путешествій считалось лѣтнее теплое время. Зимой—это было непреложнымъ закономъ для общества—оставались спокойно дома, собирались у топившагося камна, приглашали пріятелей на стаканъ грогу, иногда даже танцевали и были вполне довольны, если не забыли.

Только миллионеры со слабыми легкими позволяли себѣ при благоприятныхъ условіяхъ путешествіе на Ривьеру. Однако, въ послѣднее пятилѣтіе пришли къ убѣжденію, что зима такъ же удобна для путешествія, какъ и лѣто. Теперь, вѣдь, возможно въ 6 или 7 дней доѣхать изъ Москвы въ Каиръ, безъ усталости, съ полнымъ комфортомъ. Не только европейцы, но и американцы приходятъ въ восторгъ отъ зимняго пути, и всѣ отели въ Каирѣ и Ассуанѣ заняты больше американцами, нежели русскими, нѣмцами и англичанами.

Въ Хартумѣ нерѣдко приходится сидѣть за табльдотомъ рядомъ съ двумя барышнями изъ Нью-Йорка, которые проѣхали длинную дорогу до Судана и хотятъ отправиться еще въ Фашиду, ѣхать до которой нужно въ теченіе 12 дней,—а стоитъ заговорить о Ніагарѣ, которая находится на разстояніи полудня пути отъ ихъ родины, какъ онѣ сознаются, что никогда тамъ не были...

Очарованіе египетскаго зимняго солнца, позволяющаго прогуливаться по улицамъ безъ пальто и въ соломенной шляпѣ, дѣйствуетъ прямо волшебство на нервы. Ни въ какомъ мѣстѣ вы не увидите такихъ веселыхъ лицъ, какъ здѣсь. Нельзя повѣрить, что есть на свѣтѣ болѣзнь, заботы, гнѣвъ; кажется, всѣ живутъ въ радости и довольствѣ; видны только улыбающіяся лица; даже бѣдные туземцы, которые несутъ съ покорностью свой „кызметъ“, и тѣ, повторяя монотонно свое вѣчное „бакшишъ, бакшишъ, чавача“, дѣлаютъ при этомъ пріятнѣйшее въ свѣтѣ лицо.

Любимое занятіе восточныхъ жителей—торговля. Во время сезона каждый изъ туземцевъ Каира занимается какимъ-нибудь промысломъ. Какъ только вы сойдете съ лѣстницы отеля, васъ окружаетъ толпа молодыхъ и старыхъ арабовъ, одѣтыхъ въ лохмотья и предлагающихъ съ

громкимъ крикомъ свои товары. Чего-чего только тутъ нѣтъ! Одинъ предлагаетъ страусовыя перья—они очень недороги: за 5 рублей можно достать очень красивое перо;—другой предлагаетъ чучела молодыхъ крокодиловъ, третій—кишечники и т. д.

Торговцы знаютъ только нѣсколько словъ каждаго иностраннаго языка и коверкаютъ ихъ самымъ смѣшнымъ образомъ; впрочемъ, они обладаютъ удивительной способностью узнавать національность иностранца съ перваго взгляда.

Погонщики ослось хотя въ всѣхъ непремѣнно уговорить поѣхать къ могиламъ калифовъ и преслѣдуютъ громкими криками:

—Хорошій осель, господинъ большой осель, бисмарковскій осель...

Это—ихъ самая высшая похвала...

Часто съ туристами говорятъ старые, почтенные бедуины, съ сѣдыми бородами, въ длинныхъ бурнусахъ. Сначала туристы ихъ очень мало понимаютъ. Потомъ начинаютъ понемногу соображать, чего старцы хотятъ отъ нихъ, причемъ тѣ представляютъ визитныя карточки знатныхъ иностранцевъ, на которыхъ написаны аттестаты ихъ дѣятельности. Это—устроители охоты. За извѣстную сумму они обязуются доставить желающихъ охотиться иностранцевъ на мѣста, гдѣ водятся шакалы, лисицы, волки, кречеты и разные дикіе звѣри юга.

Они избавляютъ иностранцевъ отъ всякаго труда, ставятъ множество загонщиковъ, окружаютъ густыя сахарныя плантаціи, гдѣ скрывается между тростникомъ дичь, и выгоняютъ ее оттуда.

Жизнь интересна, какъ въ самомъ Каирѣ, такъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ. На Нилѣ лежитъ множество острововъ; на одномъ изъ нихъ, просто называемомъ Джезире (островъ), находится великолѣпнѣйшій дворецъ, построенный Измаиломъ для того, чтобы предложить императрицѣ Евгеніи, прѣзжавшей на открытіе Суэскаго канала, пріятное мѣстопробываніе.

Теперь здѣсь устроенъ отель. Здѣсь живутъ очень тихо, посреди великолѣпнаго парка изъ пальмъ и эвкалиптовъ.

Около 5 часовъ пополудни сюда прѣзжаютъ богатѣйшіе члены иностранной колоніи, а также и знатные египтяне и арабы въ элегантныхъ экипажахъ и автомобиляхъ.

Туземные принцы и сановные люди—по большей части обладающие сумасшедшимъ богатствомъ, ухаживаютъ съ страстнымъ преданностью за прелестными англичанками и американками, потому что имѣть бѣдную жену составляетъ для желтолицыхъ миллионеровъ высшую цѣль жизни и самое желанное счастье.

Самое замѣчательное мѣсто на землѣ, это—отель въ пустынѣ, „домъ Мена“, который возвышается на границѣ простирающейся къ западу песчаной пустыни, какъ разъ напротивъ плато, на краю котораго возвышается величественная пирамида Хеопса. Изъ оконъ комнаты открывается видъ на почтенныя сооруженія фараоновъ. Тамъ—древнѣйшее прошлое, здѣсь—современнѣйшая свѣтская жизнь.

Подъ сѣнью пирамидъ и могилъ древнихъ жрецовъ Аммона завоеватели-англичане устроили мѣста для игры въ поло...

Вечеромъ дворецъ освѣщается электричествомъ, и въ роскошно отдѣланной столовой темные арабы прислуживаютъ элегантнымъ гостямъ.

ДЕНЬ КОРОЛЕВЫ РУМЫНСКОЙ.

Каждый день королева румынская Елизавета исполняетъ обязанности государыни, супруги, матери, художницы и благотворительницы.

Эта рѣдкая женщина, благодаря чрезвычайной экономіи въ распредѣленіи времени и удивительной энергіи, находить время и силу для дѣла, которое едва-ли можетъ исполнить другой, менѣе выдающийся человекъ.

Она встаетъ въ 3 часа утра и работаетъ до 8 часовъ за пишущей машиной, отдавая своимъ поэтическимъ планамъ. Въ 8 часовъ она завтракаетъ съ королемъ, читаетъ ему пришедшія ночью телеграммы и утреннія газеты и остается съ нимъ до 10 часовъ.

Въ 1 часъ она обѣдаетъ съ королемъ и проводитъ съ нимъ еще полчаса, пьетъ съ нимъ чай или ѣдетъ кататься; это—единственные минуты въ продолженіе дня, когда королевская чета вполне отдается совместному отдыху.

—Король любитъ,—разсказывала Карменъ Сильва одному посѣтителю,—чтобы онъ могъ всегда меня застать дома, если ему удастся урвать минутку отъ своихъ занятій, а потому я постоянно сижу у себя.

Время отъ 10 часовъ до обѣда посвящено семьѣ: заботѣ о четырехъ дѣтяхъ наследнаго принца, и другимъ семейнымъ обязанностямъ. Отъ 2-хъ до 4-хъ королева занимается опять своими дѣлами. Въ 4 часа она дѣлаетъ короткую прогулку по саду и внимательно слѣдитъ за своими любимыми цвѣтами, посаженными около дорожекъ. Иногда королева садится за органъ и погружается въ звуки Бетховенскихъ произведеній.

Въ 5 часовъ начинается аудіенція. И тогда двери въ ея комнаты широко раскрыты. Къ королевѣ допускаются не только посѣтители высшаго общества, но и артисты, и артистки, и люди изъ народа, желающіе принести свой привѣтъ королевѣ. Она недавно приняла двухъ крестьянъ изъ Буковины, которые прибыли на выставку въ Бухарестъ и пожелали видѣть королеву.

Вообще, придворный этикетъ изгнанъ на этихъ пріемахъ. Всѣ чувствуютъ себя совершенно свободно, и королева любезна до чрезвычайности со всѣми, кого принимаетъ.

Даже самыя непріятныя аудіенціи она переноситъ терпѣливо.

Только одна вещь можетъ привести ее даже въ бѣшенство: это—грубое обращеніе съ животными. Королева разсказывала слѣдующій случай:

—Недавно, во время прогулки съ королемъ, я увидѣла кучера, который билъ жесточайшимъ образомъ свою лошадь. Страшно возмущенная, я яростно бросилась къ этому человѣку и хотѣла ударить его своею палкою, но употребила всю силу воли и остановилась во-время при мысли, что я—королева и не должна доводить себя до такого поступка.

Но, чтобы излить на кого-нибудь свой гнѣвъ, я инстинктивно потрясла со всей силой моего возбужденія руку короля...

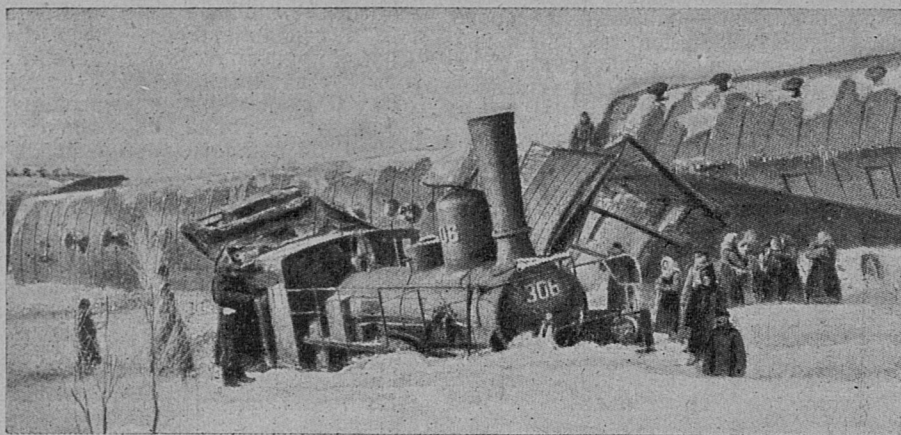
При воспоминаніи объ этомъ королева смѣялась.

Прокладка телеграфа при помощи велосипеда-мотора.

(См. рис. на стр. 24).

Австро-венгерскія военныя сферы занимаются автомобилизмомъ въ широкихъ размѣрахъ. Дѣлаются опыты примѣненія автомобиля для военнаго обоза, бронированной повозки—для передвиженія солдатъ, а также производится проба велосипеда-мотора, который сдѣлался

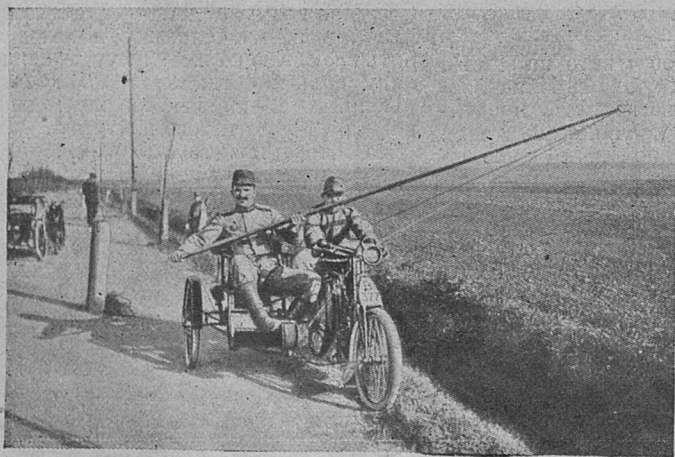

Крушение пассажирского поезда на линии Моск.-Брянской жел. дор., между станціями „Тихонова Лустынь“ и „Суходревъ“ 30-го дек. 1906 г.

Человѣкъ безъ позвонковъ.

Американецъ Коста, гастролирующій нынѣ въ Берлинѣ, довѣлъ гибкость своей шеи до того, что можетъ повернуть гол. ву, какъ показано на рисунокъ.

Прокладка телеграфа при помощи велосипеда-мотора.

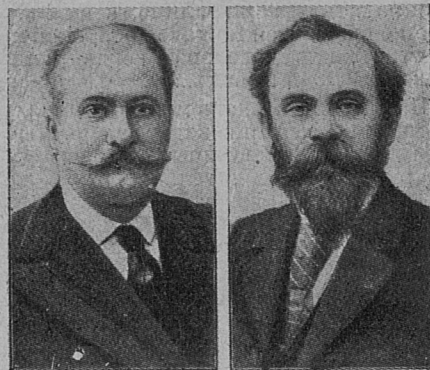
(См. стр. 23).

важнымъ подспорьемъ для транспортировки.

Теперь въ Австро-Венгріи нашли новый способъ употребленія мотора-велосипеда. Сбоку мотора-велосипеда придѣлана повозка, въ которой помѣщается человѣкъ. Спереди этой повозки находится мотушка съ телефонной или телеграфной проволокой. Сидящій на моторѣ-велосипедѣ долженъ только управлять имъ; сидящій же въ повозкѣ снабженъ длиннымъ шестомъ, на верхнемъ концѣ котораго придѣланы вилы. Этимъ шестомъ развѣтвляющаяся проволока накладывается во время пути на верхушки деревьевъ или укладывается въ канавы около шоссе.

Обслуживающіе аппаратъ солдаты прошли великолѣпную школу; они помѣщаютъ проволоку съ быстротою молніи. Проводы въ 10 километровъ длины укладываются въ 20 минутъ. Поэтому понятно, какое громадное преимущество можетъ имѣть такое быстрое устройство телеграфнаго или телефоннаго сообщенія съ наружными переловыми линиями.

Благодѣтели чловѣчества.

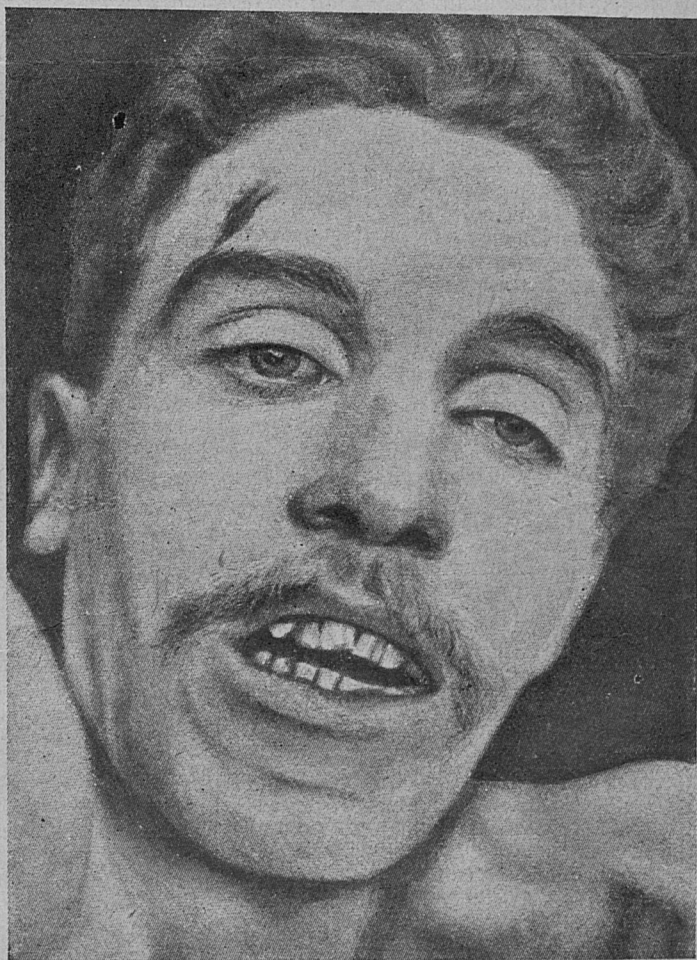

Благодѣтель чловѣчества. французскій физикъ д'Арсонваль, открывшій вѣрный способъ лѣч. склероза артерій.

французскій врачъ д-ръ Мутье, принимавшій влижайшее участіе въ открытіи д'Арсонваля.

Профессоръ д'Арсонваль, физикъ въ Парижѣ, нашелъ совместно съ докторомъ Мутье способъ излѣчивать склерозъ артерій, который бываетъ причиною многихъ смертныхъ случаевъ.

Этотъ способъ состоитъ въ томъ, что посредствомъ электризаціи уменьшается чрезмѣрное давленіе крови въ сосудахъ чловѣческаго тѣла до нормальнаго состоянія, что и приводитъ къ процессу очищенія всей артеріальной системы.

фотографическій снимокъ съ консервированной головы убіицы петербургскаго градоначальника ген.-маіора фонъ-д-еръ-Лауница.